

текст:

Никита Харламов

психолог-урбанист, НИУ-ВШЭ

Право на город

33

Что происходит с городами и поселениями на нашей планете? Каков контекст изменений, происходящих с Москвой? Психолог-урборегионовед Никита Харламов рассказывает о перспективах изучения современных мегаполисов и о том, как политизируются пустые городские пространства.

Науку, которая сегодня занимается этими вопросами, можно назвать «урборегионоведение» (буквальное переложение на русский язык выражения «urban and regional research»; один из ведущих международных журналов в этой области так и называется: «International Journal of Urban and Regional Research»). Это слово отражает две основные черты современной науки о городской среде.

Во-первых, речь идет уже не о городах как таковых, а об урбанизированных регионах. Это может прозвучать странно — как же так, куда же делись города? Разве нет больше Лондона, Нью-Йорка, Москвы, Токио? Однако именно в этом заключаются изменившиеся представления о характере современных человеческих поселений.

В исторической науке принято считать, что когда тот или иной народ перестает кочевать с места на место и закрепляется на какой-то территории, он образует два основных типа оседлых поселений: сельские и городские. Основной смысл сельской жизни — ведение сельского хозяйства, то есть возделывание земли и разведение скота. А в городских поселениях живут властители, знать, воины, торговцы, ремесленники, воры, алхимики и маги... Смыслы городской жизни — торговля, власть, ремесленное производство. Разделение это — хозяйственное в широком смысле — включает и культуру, власть, общественные отношения, духовную жизнь.

К концу XIX века, когда зародились современные науки о человеке, это разделение получило систематическое оформление в работах социологов и географов. К числу наиболее влиятельных представлений, характерных для эпохи национальных государств и зарождающегося индустриального общества, относится и то, что город организован от центра к периферии, в форме «концентрических кругов». Знаменитую модель такой структуры предложил один из лидеров Чикагской школы социологии Эрнест Берджесс: в центре находится деловой и культурный район, затем следуют промышленные районы, районы, где живут рабочие, и так далее. Даже сегодня москвичи говорят: поехать «в центр», а то и вовсе «в город» — то есть в центр Москвы, где находятся главные магазины, рестораны, музеи, театры, ночные клубы... Аналогичным образом, сельские регионы организуются сетью городов, в которых сосредоточены административные и торговые функции (в нашем быденном языке это представление отлично описывается словом «райцентр»).

Однако к 1970-м годам стало понятно, что подобные модели плохо справляются с описанием современных человеческих поселений. Причин тому много. Развитие механизированного сельского хозяйства, «зеленая революция», появление полноценного мирового рынка сельскохозяйственной продукции окончательно разрушили традиционную модель, когда город находится в центре некоторого сельского региона, и между ними происходит обмен ресурсами в рамках определенного политического устройства. В процессе субурбанизации произошел важный перелом. Если в начале XX века пригороды были местом проживания людей, чья деятельность предполагала необходимость ездить «в город», то уже в середине века на месте «при-городов» стали образовываться площади с «равномерным» распределением жилья, занятости, сферы услуг. Мобильность в рамках одного домохозяйства — когда все члены семьи живут в «пригороде», работают в «пригородных» офисных парках, делают покупки в «моллах» — хорошо показывает падение роли

городов как организующих центров. «Суб-урбия» (в первую очередь в автомобилизированных странах глобального Севера) окончательно превратилась в самостоятельную поселенческую ткань. Даже в Москве, несмотря на ее в высшей степени «центростремительную» структуру, на месте бывших промзон на окраинах появились торгово-развлекательные центры, а за МКАД выросли «мегамоллы». Доступность современных потребительских товаров, средств связи, услуг, развлечений привела к значительному стиранию границы в стиле жизни между «сельскими» и «городскими» жителями в так называемых «развитых» странах. В «развивающихся» странах тоже происходят важные изменения: например, в гигантских трущобах Бангладеш и Индии подчас отсутствуют элементарные удобства (такие как питьевая вода), но одновременно значительная доля населения имеет доступ к сотовой связи и даже сети Интернет.

Все эти процессы — хозяйственные, культурные, социальные, политические — привели к тому, что стандартное представление об относительно разделенных «городах» и «сельской местности» стало совершенно непригодно в аналитическом отношении. Основной аналитической единицей становится полицентричный урбанизированный регион. В нем существует сложная система взаимосвязанных между собой поселений, множество отдельных «центров», которые уже невозможно разделить на «города» и «пригороды» по каким-либо существенным признакам. Как пишут Марк Готтдинер и Рэй Хатчисон, «это первый действительно но-

Осознание того, что пространство и места в нем пронизаны властными отношениями, насыщены политическими противостояниями и столкновениями, пришло к западным исследователям к концу 1960-х годов.

вый способ организации жилищ и труда, который человечество изобрело за последние 10 000 лет»¹. К примеру, Московская область сегодня представляет собой вполне полноценный урбанизированный регион, в котором, правда, сохраняется центральная роль метрополиса — Москвы. Есть также основания полагать, что «коридор» между Москвой и Санкт-Петербургом может вскоре превратиться в подобный регион.

В характере новых ландшафтов, безусловно, проявляется пресловутая «глобализация». Однако в рамках урбанизированных регионов новыми смыслами нагружаются и конкретные локальные события, коль скоро они имеют значение для региона в целом и происходящих в нем процессов. Так, происшедшие в 1992 году в южной части Лос-Анджелеса бунты (которые начались после оправдания в суде четверых белых полицейских, избивших водителя-афроамериканца), пролили свет на проблемы этнического и классового неравенства в масштабе всей Южной

34

Калифорнии, — и это событие заняло важное место среди феноменов, изучаемых американским урборегиионоведением.

Второй чертой урборегиионоведения является его «естественная» междисциплинарность. Город — и тем более урбанизированный регион — это по определению многогранный объект, для описания которого требуются усилия сразу многих социальных наук. Ни один профессионал, занимающийся городом, не может обойтись без хотя бы кратких «путешествий» в смежные дисциплины. «Портрет» региона может быть написан только многими дисциплинами — экономикой, социологией, географией, правоведением, историей, — совместно. Главное, что объединяет эти науки в единую «отрасль» — интерес к тому особому типу пространственного устройства, которое можно назвать «естественным ареалом обитания» современного человека (недаром ООН называет XXI век *городским* веком). Отсюда и «ведение» в названии этой отрасли (которая, правда, имеет не так уж много общего с традиционным для российской науки «регионоведением»).

35

Повседневная жизнь и «право на город» сквозь призму урборегиеоноведения

Может сложиться впечатление, что урборегиеоноведение по большей части занимается довольно абстрактными проблемами: субурбанизация, сети глобальных городов... Но в сферу интересов этой науки входят и гораздо более конкретные, «жизненные» явления.

Прежде всего, следует отметить, что одно из центральных положений современного урборегиеоноведения гласит: повседневная жизнь в человеческих поселениях и глобальные изменения неотделимы друг от друга. Становление Москвы «региональным глобальным городом»² напрямую отразилось на рутинной жизни каждого москвича — и одновременно оно было бы невозможно без бесчисленных элементарных действий и взаимодействий, которые москвичи ежедневно совершают. Аналогичным образом, каждый уголок современных человеческих поселений — будь то придорожный магазин между несколькими подмосковными дачными поселками или Манежная площадь в Москве — важен для урборегиеоведа. Каждое место обладает самостоятельным характером, локальной спецификой и «самобытностью», но одновременно встроено в общий региональный ландшафт и неотделимо от него, также как и ландшафт этот без составляющих его мест будет просто бессмысленным куском пространства.

Второй важнейшей аксиомой урборегионоведения является признание политического измерения пространств, ландшафтов, и мест. Осознание того, что пространство и места в нем пронизаны властными отношениями, насыщены политическими противостояниями и столкновениями, пришло к западным исследователям к концу 1960-х годов. Оно стало результатом разочарования в позитивистских исследовательских программах, для которых человеческие поселения были просто совокупностями точек на карте и расстояний между ними. Вместе с ренессансом академического марксизма и студенческими революциями в Западной Европе и США возникает напряженное внимание к правам человека — к вопросам справедливости, равенства, толерантности, взаимодействию власти, права и обычных граждан и тому, как эти феномены проявляются в повседневности урбанизированных пространств.

Одна из наиболее влиятельных таких идей — идея «права на город», впервые сформулированная в конце 1960-х годов в работах французского философа и социолога Анри Лефевра. Его книга с одноименным названием³ вышла незадолго до «студенческой революции» 1968 года и пользовалась в среде «активистов» почти такой же популярностью, как знаменитые манифесты Ги Дебора.

В формуле «право на город» Лефевр, для которого, кстати говоря, «городская революция» была свершившимся фактом, зафиксировал право людей на совместное сосуществование, на городскую жизнь, право на претворение в жизнь в городском пространстве утопических идей о мирном сожительстве. Центральным моментом здесь является именно момент права на изменение сложившегося порядка вещей — в сторону лучшего порядка. Многие вопросы, которые в этой связи задаются, в конечном счете сводятся к тому, как разнообразные меньшинства — этнические, религиозные, расовые, сексуальные (и даже такие «меньшинства» как пожилые люди, инвалиды или бездомные) — представлены в городской среде, буквально — видимы или невидимы в ней. Конкретных явлений, которые оказываются в этой связи в центре внимания, множество: от уничтожаемых поселений сквоттеров в Джакарте (Индонезия) до «секьюритизации» Лондона и создания на его улицах режима тотальной полицейской слежки (при помощи камер видеонаблюдения) под предлогом борьбы с терроризмом. Все эти явления рассматриваются не только в абстрактном общечеловеческом или «общегосударственном» смысле, но и в свете того, как они локализованы в конкретных урбанизированных пространствах.

Как подчеркивают Эш Амин и Найджел Трифт⁴, сегодня многие политические институты и процессы либо, как процессы государственного управления и экономической политики, выходят на глобальный и транснациональный масштаб, либо, как многие социальные движения, «виртуализируются» в электронные сети. Но это не значит, что город как пространство политического теряет свое значение. Напротив, в городе происходят непрерывные «молекулярно-политические» взаимо-

действия и столкновения. В них становятся видимыми взаимодействия различных социальных групп (от деловых людей до бездомных) и социальных сил (от локальных сил — жителей районов, муниципальных властей — до транснациональных корпораций и глобального капитала). Это взаимодействия в пространстве и с пространством — и происходят они в контексте общечеловеческих процессов, от возникновения глобального общества потребления до экологической катастрофы, связанной с истощением ресурсов и глобальным потеплением.

Манежная площадь — это пространство, которое сохранило потенциал «пустого места», способного, как указывает Филиппов, внезапно превратиться в пространство радикально политического действия — что и подтвердили беспорядки 11 декабря 2010 года.

Право на город в современной Москве

«Право на город» не всегда является безобидным. Я уже упоминал случившееся в Лос-Анджелесе двадцать лет назад беспорядки. Подобные события не обошли стороной и Москву. 11 декабря 2010 года на Манежной площади произошли массовые беспорядки. Стихийный митинг протеста против убийства футбольного фаната Егора Свиридова «кавказцами», перешедший в столкновение националистически настроенной толпы с милицией, широко обсуждался в российской прессе. Но при этом внимание к месту происшествия, к пространственной стороне дела, как правило, не шло дальше констатации: «ужас, это произошло прямо у стен Кремля!».

А ведь Манежная площадь — место в высшей степени любопытное, в нем сокрыто гораздо больше, чем просто «близость к Кремлю». Начать хотя бы с того, что место это появилось как «площадь» относительно недавно — начиная с 1930-х годов, когда ранее плотно застроенный район постепенно стал исчезать. А появившуюся площадь в советскую эпоху использовали как «общественное пространство» — для демонстраций и парадов. После распада СССР Манежную площадь несколько раз занимали гигантские мирные митинги, в которых участвовали десятки тысяч людей. А в середине 90-х на площади начал строиться трехэтажный полуподземный торговый комплекс — «Охотный ряд», открытый во второй половине 1997 года. Этот торговый комплекс, крыша которого является пешеходной зоной с клумбами, фонтанами и скамейками, формально является «общественным» местом — доступ туда потенциально открыт любому гражданину. Но является ли сейчас Манежная площадь «публичным местом» — местом, где может проявляться «публичная сфера», предполагающая демократические взаимодействия и диалог, —

36

вопрос весьма интересный и тесно связанный с проблемой «права на город». Его можно поставить в контекст вопросов о «публичности» многих и многих мест по всему миру: торговых центров-моллов (находящихся в частной собственности), городских центров (под предлогом борьбы с преступностью и терроризмом систематически «зачищающихся» полицией), транспортных узлов.

А.Ф. Филиппов в одной из немногих социологических статей о Манежной площади (написанной задолго до декабрьских событий)⁵ анализирует ее в терминах неудавшегося преобразования «пустого пространства» в пространство «наполненное». Наполненное, например, торговым центром и связанными с ним типами возможных на Манежной площади человеческих действий — таких как «шопинг». Он указывает на проблему текстурированности пространства, наличия в нем различной текстуры: пустое пространство — это пространство «слабо текстурированное, однородное. Здесь может происходить множество социальных событий, но все эти события примерно одного рода, они имеют смысловую связь с пространством лишь как с вместилищем» (с. 23, курсив оригинала). Иначе говоря, само по себе место — Манежная площадь (в отличие, скажем, от Красной площади) — оказывается недостаточно наполненным конкретными смысловыми содержаниями, которые бы определили возможные и невозможные действия и события.

Итак, Манежная площадь — это пространство, которое сохранило потенциал «пустого места», способного, как указывает Филиппов, внезапно превратиться в пространство радикально политического действия — что и подтвердили беспорядки 11 декабря 2010 года.

Взгляд на эти события позволяет обратиться к важнейшим проблемам современного урборегионоведения. Право на город преимущественно обсуждается исследователями в «прогрессивном», «либеральном» ключе. А именно, речь, как правило, идет о всякого рода «угнетаемых» группах, таких как лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией или бездомные. Противостоят же им — в лучших традициях неомарксистского антиглобализма — всякого рода глобальные, внепространственные силы — такие как неолиберальный капитализм, действующий во имя неотъемлемых прав собственности и прибыли и подчиняющий им все остальные права человека.

В этих дискуссиях оказывается, например, что бездомные угнетаются городскими властями именно потому, что они не только сами не являются потребителями, но и активно отпугивают потенциальных потребителей, составляющих ресурс для транснационального бизнеса. Именно так «прославился» Калифорнийский университет в Беркли⁶ (кстати, этот университет — традиционное пристанище левой интеллигенции в американской академии, «Беркли» в этом смысле — название почти нарицательное). Много лет кампус Беркли «воевал» за небольшой клочок земли, на котором обосновались бездомные. В конце концов на нем устроили теннисные корты для студентов, — а бездомных, на радость городской администрации и к ужасу «леваков», выдворили. В общем-то, аналогичным образом (правда, уже не в контексте «неотъемлемых прав собственности») поступают московские власти на Триумфальной площади, пытаясь не допустить на нее либерально настроенных «несогласных». В этом случае угнетаемыми тоже оказываются «прогрессивные» силы, а угнетателями — авторитарные власти Москвы и России в целом.

То, что произошло на Манежной площади — беспорядки, устроенные националистически настроенной толпой под де факто фашистскими лозунгами — не укладывается в прогрессистский дискурс. Возникает вопрос: согласятся ли последователи Лefевра признать, что требования *очистить* городскую среду от присутствия каких-либо групп (в данном случае т.н. «кавказцев») являются своего рода «темной стороной» права на город, коль скоро они представляют собой определенное видение желаемой городской среды?

В данном случае это желаемое видение оказалось выражено в бунте толпы, откровенно противозаконных действиях и фактически призывах к погромам. Но нельзя забывать, что бунт толпы является одной из наиболее примитивных форм политического действия. В условиях выхолащивания формальных политических институтов, институтов правосудия и гражданского общества в целом — политические действия принимают внеинституциональные формы. Как политическое действие, беспорядки

- 1
Gottdiener M., & Hutchison R. The new urban sociology (3rd ed.). Boulder, CO: Westview Press, 2006. P. 5.
- 2
Beaverstock J. C., Taylor P. J., & Smith R. G. A roster of world cities. *Cities*, 16, 1999. P. 445–458.
- 3
Lefebvre H. Writings on cities (E. Kofman & E. Lebas, Trans., Eds.) Malden, MA: Blackwell Publishing, 1996.
- 4
Amin A. & Thrift N. The 'emancipatory' city? In L. Lees (Ed.), *The emancipatory city? Paradoxes and possibilities* (pp. 231–235). London, England: SAGE Publications, 2004.
- 5
Филиппов, А.Ф. Пустое и наполненное: Трансформация публичного места. Социологическое обозрение, 8(3), 2009. С. 16–29. <http://sociologica.hse.ru/s21/pntpm21.pdf>
- 6
Mitchell D. The right to the city: Social justice and the fight for public space. New York, NY: The Guilford Press, 2003.
- 7
Young I.M. *Justice and the politics of difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

на Манежной площади — это выход на поверхность тех самых «молекулярных» противостояний, которые каждодневно случаются в городе. Из таких противостояний, начиная от минимального установления односторонней или взаимной неприязни между людьми, которые принадлежат к различным группам, складывается политический ландшафт повседневной жизни в городе. Коль скоро такие противостояния не имеют выхода в пространство институциональной политики и соответствующего разрешения на уровне «публичной сферы», они неизбежно суммируются в напряжение, которое легко может перерасти в события, подобные тем, что произошли в декабре 2010 года. (Нынешние европейские дискуссии о «мультикультурализме» и его возможном «провале» — это как раз отражение подобных противостояний в, так сказать, доминирующем дискурсе).

С точки зрения урборегиионоведения, наиболее важным здесь является пространственный, или поселенческий, аспект: а именно, что противостояния эти являются пространственными — они неотделимы от тех мест в городе (будь то привокзальные площади, ночные улицы или Манежная площадь), где они происходят. Вырастающие из них политические действия также принадлежат городскому пространству, конкретным местам, таким как Манежная площадь (одно из немногих действительно крупных и действительно доступных пустых пространств в Москве). Соответственно, и любое разрешение противостояний — в том числе любые попытки распространения толерантного отношения между людьми — не могут увенчаться успехом, если они прямо не затрагивают совместное сожительство людей в поселенческой среде. Не случайно Айрис Мэрион Янг в своей версии теории справедливости привлекала внимание именно к городу — и формулировала нормативный идеал городской жизни как «совместное существование чужаков», как пространство, в котором возможно существование «различия без исключения»⁷.

Что делает Манежную площадь (равно как и Триумфальную площадь) центром притяжения публичности и политического действия в масштабе целого урбанизированного региона и страны в целом? Как в этом пространстве воплощаются ключевые социополитические процессы и противоречия современной России? Каково значение событий декабря 2010 года с точки зрения «права на город»? Как распознать многочисленные молекулярные политические явления в городской среде и их значение для городского ландшафта и для всей социальной жизни? Как достичь «совместного существования чужаков»? Примерно такие вопросы мог бы задать попавший на Манежную площадь урборегиионовед, и дискуссия по этим вопросам серьезно обогатила бы не только науку, но и российское общество в целом.

Написание настоящей статьи поддержано стипендией
Foundation for Urban and Regional Studies.